(Окончание. Начало в № 35.)

От сумы и тюрьмы…

Центр реабилитации для бывших заключенных

Официальное

Открыть Центр социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, задумал лет пять тому назад Игорь Романовский, референт митрополита Филарета по организации тюремного служения. Владыка поддержал и благословил это доброе начинание. Осенью 2003 году в деревне Любча был приобретен дом в собственность Белорусской Православной Церкви. Организация реабилитационного Центра — дело новое, едва ли даже в России найдется что-то подобное, поэтому каждый шаг, связанный с оформлением бумаг в госструктурах, приходится делать на ощупь. Благодаря подписанному 11 марта 2004 году соглашению между Церковью и Министерством внутренних дел, наладили сотрудничество с этим ведомством. С Департаментом исполнения наказаний всегда было взаимопонимание в сфере тюремного служения, но реабилитационной деятельностью епархии заинтересовался еще и Владимир Владимирович Наумов, министр внутренних дел. «Государство не может перевоспитать бывших заключенных, но если это получается у Церкви, то в остальном мы поможем», — сказал он во время посещения Любчи 30 марта 2005 г., и сейчас по его указанию в исправительной колонии 14 (ст.Новосады) строятся три деревянных дома (8х8) под общежития, два из них уже установлены. Эта же колония передала Центру трактор, строительные материалы, поросят, регулярно помогает и продуктами питания.

Особо дружественные отношения сложились у Центра с председателем зембинского сельскохозяйственного производственного кооператива. «Отец родной» — в шутку называют ребята Михаила Григорьевича Капитоненко. То кормами для животных подсобит, то картошечки и молока подвезет, то технику для строительства выделит, а главное — предоставляет возможность прошедшим реабилитацию устроиться на работу (пастухами, сторожами, трактористами). Что ни говори, а для бывшего заключенного, не имеющего ни кола ни двора, это начало новой жизни.

Сейчас Центр может принять до восьми человек, а когда построятся общежития, — до тридцати. А желающих уже хоть отбавляй, Игорю Романовскому пишут со всех колоний республики. И, естественно, попасть в Центр может далеко не каждый. В первую очередь, приглашаются те, кто, еще отбывая наказание, посещал православный храм, учась молиться и жить по-христиански. «Это не дискриминация, — предупреждает возникшее возражение Игорь Ватеславович, — наш Центр, прежде всего, православный, и мы взываем к совести бывших заключенных, а не стараемся установить тотальный контроль над ними. Поэтому, если человек не хочет изменить себя, не просит об этом Бога, то мы не в силах ему помочь, даже предоставив хорошую работу и жилье. Через какое-то время он снова сядет в тюрьму».

Срок пребывания в Центре реабилитации — три-шесть месяцев. За это время бывший заключенный восстанавливает утраченные документы (паспорт, военный билет), если есть родственники, налаживает с ними контакты и привыкает к свободе и к ответственности за нее. Выходить за территорию Центра без разрешения руководителя нельзя, выпивать тоже, курить только в специально отведенном месте и, конечно, необходимо исполнять трудовые послушания и молиться. Если такие условия устраивают, то новоприбывший дает письменное обязательство их выполнять.

Неофициальное

Бытовые условия в Центре реабилитации санаторными не назовешь. Все нужно делать своими руками. Рубить дрова для печи, готовить еду, стирать и убирать. Для обычного человека все это — нормальные условия существования, но для бывших заключенных, которые провели в тюрьме большую часть жизни, — непривычные сложности. Игорь Романовский рассказывает, что очень многие люди, побывавшие в Центре, не умели элементарных вещей: почистить картошку, постирать, помыть посуду. Ну а другая работа по хозяйству — непосильный, фантастический труд. Ведь в современной колонии подавляющая часть заключенных ничего не делает. Поспать, поесть, поиграть в карты — вот их основное времяпровождение в течение многих лет тюрьмы. А здесь они сталкиваются с реальной жизнью, и в этом тоже заключается их реабилитация. Кроме самообслуживания, надо еще управиться с живностью: свиньями, конем, собакой, курами. Но главное — строительство новых корпусов, там для всех находится занятие, и для специалистов, и для полных неумеек. Бывают среди подопечных, конечно, и резчики по дереву, и каменщики, и художники, и инженеры, и трактористы. Но практически у всех проблема одна — работать не хочется. Если ее преодолеть, то, считай, благополучие дальнейшей жизни наполовину обеспечено.

День в Центре реабилитации начинается и заканчивается молитвой. «В рабочие дни собираемся на молитву в семь часов утра и в десять вечера, все правило длится минут пятнадцать, читаем Евангелие, — рассказывает Игорь Ватеславович. — Правда, для многих и это сложно. Бывает, принимаем в Центр совершенно неверующих людей, не умеющих даже перекреститься, и они постепенно приобщаются к Церкви».

Есть у подопечных Центра реабилитации и время для отдыха. Вечером и в выходной день можно посмотреть телевизор, почитать газеты и книги. По субботам, конечно, баня. А после нее, конечно, пиво. И это неудивительно, потому что здесь подходят к бывшим заключенным и их проблемам с пониманием. «Сильно натянутая тетива быстро лопнет, — цитирует прп. Антония Великого руководитель. — Мы не можем запретить людям, курившим и выпивавшим с детства, в один миг делать и то и другое. Мы можем постепенно ограничивать их в этом. Например, каждый подопечный получает на неделю по три пачки сигарет. Курильщики поймут — это совсем не много. После бани покупаем пиво, чтобы по-человечески расслабиться. В праздники — вино. Ведь если они не будут выпивать при мне, то обязательно будут это делать без меня — прятаться, у кого-то просить, а «доброхотов» по этой части в деревне через одного».

Сейчас в Центре проживает шесть человек. Всем по большей части за сорок (только Паше тридцать три). И у всех далеко не один срок за плечами. И у каждого своя история, своя судьба, свои проблемы и свои планы. Леша, например, в Центре — долгожитель, приехал в Любчу в мае 2004 года прямо из «зоны». То, что он проживает здесь больше года, исключение из правила. Он литовец, и по документам носит другое имя, литовское. А документы у него еще советские, и, стало быть, нет белорусского гражданства — между частыми «ходками» было недосуг. В Беларуси никому не нужен, а уехать в Литву, где живет сестра, нет возможности. Поэтому, кроме проживания в Центре, у Леши два варианта: вокзал или тюрьма, а точнее только тюрьма, потому что жизнь на вокзале туда непременно приводит. Так случилось и перед последним сроком. Освободившись из колонии, Леша оказался на улице без каких-либо перспектив на будущее. На свободе пробыл два дня — после выпивки на вокзале украл сумку своего собутыльника. Получил три с половиной года, но на этот раз при освобождении администрация колонии ходатайствовала о принятии Леши в Центр реабилитации.

Практически подобная ситуация у Сергея. У него российское гражданство и никого в Беларуси. Но в Центре он недавно — чуть больше месяца. Восстановить этим людям документы можно только с помощью самых высоких инстанций, поскольку обычные правила в их отношении совершенно невыполнимы.

Паша долгое время «бомжевал» в Минске при полном отсутствии документов. Сроков у него не менее пяти (мелкое воровство), и все за какой-то десяток лет. Его жизнь пошла под откос вместе со смертью мамы. До этого Павел окончил школу и три курса института. Сейчас об этом можно догадаться только по скорости отгадывания им кроссвордов. Пока Паша был в тюрьме, отец продал квартиру в Минске, купил какой-то деревенский домик, но где, Павел не знает — отец его в скорости умер. Сейчас Паша работает в колхозе пастухом и живет в Центре.

Валера — самый что ни на есть пропойца. И хоть все подопечные Центра в какой-то степени страдают алкоголизмом, только о Валере можно сказать, что жизнь свою он пропил. Была и семья, и дети, и работа, и деньги. Сейчас ничего этого нет, да еще и со здоровьем проблемы: в результате аварии повредил руки. Под контролем может долгое время не пить, что и происходит в Центре. Он — тракторист, и тут ему доверили эту технику.

Между нами

— Игорь Ватеславович, неужели с таким контингентом все проходит гладко, без проблем?

— Нет, как раз все с проблемами. Но многое зависит от собственного отношения и к жизни, и к этим людям. Можно все описать в черных красках, и тогда полностью теряется смысл существования Центра реабилитации, а можно быть оптимистом и все время идти вперед. Главное, научится ненавидеть грех и любить человека. На словах это легко, а в жизни порой невыполнимо.

— Что Вы имеете в виду?

— Внутренние проблемы, духовные. Я прихожу к выводу, что свободу они потеряли не тогда, когда их посадили в тюрьму, а когда они подвергли себя различным порокам, не захотели им сопротивляться, а теперь уже и не могут этого сделать. Все, проходившие реабилитацию, — большие любители спиртного. Наш запрет на выпивку, конечно, соблюдается ими не всегда. В мое отсутствие может случиться всякое.

— Нарушителя сразу исключаете?

— По большей части нет. Хотя в отвлеченной ситуации принял бы только такое решение. Но когда знаешь, что этому человеку некуда идти или что он кого-то сегодня обворует, то начинает действовать принцип, как в детстве, помните, считаю до трех: один, два, два с половиной, два с четвертью, потом два с ниточкой, два с иголочкой и т.д.

Инстинктивно хочется доверять всем людям. Но в случае с бывшими заключенными нужно быть начеку. Не подозревать и не устраивать тотальную слежку, потому что это унижает человека, а помнить, что все может произойти, и не падать в обморок, если что-то произойдет.

— Какие еще возникают проблемы, когда начинается работа с конкретным человеком?

— Прежде всего, проблема двуличия, двойной жизни. Как настроить человека на то, чтобы он был законопослушным не только «в глаза», но и «за глаза»? В местах лишения свободы подопечный пытался все время уйти от правил, установленных администрацией, считая, что эти правила незаконные. И эта привычка так глубоко вошла в его сознание, что, живя в Центре, он продолжает ей подчиняться, хотя уже понимает, что эту двойную игру ведет сам с собой, так как эти условия жизни были с ним оговорены при поступлении в Центр и были приняты им добровольно.

Вторая проблема — научить человека, по слову апостола Павла, питаться от рук своих и уделять ближнему своему («Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтоб было из чего уделять нуждающемуся» (Еф. 4, 28). В тюрьме заключенный живет на всем готовом, а после освобождения берет готовое у других. И это перерастает в то, что он начинает требовать от людей все необходимое для своей жизни, считая, что он на это имеет право.

— Возникает ли проблемы от привыкания?

— Нами замечено, что если подопечный пробыл в Центре больше шести месяцев, то у него проявляются все те же тюремные привычки: приспособленчество, наглость, превосходство над вновь прибывшими, лень.

— А как же вера в Бога? Является ли она гарантом хорошего поведения?

— Нет, так как люди, пришедшие в Центр, по большей части приспособились быть верующими. Объясняю, что это такое. В тюрьме, а потом в колонии их стесняют во всем, они не могут себя вести достойным образом, выражать свои способности, они никому не нужны. А когда начинают ходить в тюремный храм, то становятся нужными, ими дорожат, т.к. в зоне в храм ходят из двух тысяч только 15-20 человек. И эти люди начинают мнить, что они действительно верующие. А на самом деле это виртуальная реальность, так как исправлять свои пороки, привычки они даже и не думают, они сами того не понимают, что просто приспособились, и показатель этого — их реальная жизнь на свободе.

— Не считают ли подопечные, что Центр — это подобие тюрьмы?

— Подопечные благодарят Бога, что нашлись люди, которые обратили на них внимание, оказывают им помощь, даже дают кров, питание, восстанавливают документы, помогают устроить будущую жизнь. И более того, жизнь в Центре, по словам самих подопечных, как «в лучших домах». Многие об этом только мечтают.

— В чем же заключается цель реабилитации, если многие тюремные привычки искоренить в человеке невозможно?

— Можно ли реабилитировать человека, который, например, пострадал от урагана или терроризма — потерял кров, семью, здоровье? Ему можно помочь частично: вернуть жилье, работу, но семью не вернешь или не пришьешь оторванную руку. Это будет называться реабилитацией, восстановлением утраченного? Это частичная реабилитация. Также и задача Центра заключается в том, чтобы частично вернуть человеку утраченные материальные ценности, такие, как документы, работу, жилье. Постепенно ввести его в церковный мир, познакомить с духовными ценностями, чтобы в дальнейшем с их помощью он мог сам бороться со всеми препятствиями и искушениями. Например, какая цель была у прав. Иоанна Кронштадтского, когда он устраивал дом трудолюбия (кстати, Центр реабилитации изначально организовывался по его подобию)? Прежде всего, дать кров и работу пьяницам, бродягам, преступникам, а от физической работы постепенно перейти к духовной. Потому что невозможно голодному бомжу рассказывать о Боге, сначала нужно его накормить и дать жилье.

Создатели и насельники Центра реабилитации живут одной дружной семьей

Марина БАХАРЕВА, г.Минск